

А. С. Музыка

**АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ХВОСТОВА (ХЕРАСКОВА):
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
И ОПЫТ ЖАНРОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАСЛЕДИЯ**

Литературный институт им. А. М. Горького, Москва, Россия

Поступила в редакцию 07.10.2024 г.

Принята к публикации 12.12.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-6

59

Для цитирования: Музыка А. С. Александра Петровна Хвостова (Хераскова): творческий путь писательницы и опыт жанровой классификации наследия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №3. С. 59—69. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-6.

Целью настоящей работы является анализ истоков женского литературного мастерства в России на примере одной из первых русских писательниц. Рассматривается творческий путь Александры Петровны Хвостовой (урожденной Херасковой), известной самобытной русской писательницы XVIII в., чье творчество тем не менее еще не становилось объектом самостоятельного научного исследования. Вместе с тем без ее имени представление об истоках русской женской прозы не может считаться полным. В рамках статьи осуществлен опыт жанровой классификации наследия Хвостовой, открывающий перспективы для дальнейшего, более детального изучения ее художественного мира.

Ключевые слова: женщина-автор, русская женская литература, писательницы XVIII—XIX веков, женщина-писательница, творческий путь, А. П. Хвостова

В современном литературоведении наблюдается рост интереса к русской женской литературе начиная с ее истоков в XVIII в. Соответствующие исследования публикуются как в России, так и за рубежом. В поле зрения ученых попадают биографии женщин-авторов, предпринимаются целостные обзоры творчества писательниц, а также исследуются отдельные произведения.

За последние годы вышли в свет несколько, на наш взгляд, особенно значимых работ, посвященных вопросам женского авторства. Это в первую очередь сборники статей Е. Строгановой «Классики и современницы. Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века» [14] и И. Савкиной «Пути, перепутья и тупики женской литературы» [12], а также монография М. Нестеренко «Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века» [6]. Можно отметить, что

фокус внимания исследователей переходит с женских образов, формируемых писателями-мужчинами, непосредственно на женщин, также участвовавших в русском литературном процессе XVIII в.

XVIII в., вошедший в историю как «век Просвещения», стал одним из ключевых периодов в становлении и развитии русской литературы. С серьезным отставанием от европейских стран в России возникает собственная традиция художественной литературы, появляются первые «настоящие» писатели, чья деятельность переходит в категорию профессии, а также в средство заработка. Не будет удивительным, если мы отметим, что большинство имен первых русских писателей окажутся мужскими. Однако «большинство» не означает «все», и женские портреты в этой галерее мы также можем увидеть.

К примеру, можно вспомнить имена поэтесс Екатерины Александровны Княжниной, Марии Львовны Нарышкиной, Елизаветы Васильевны Херасковой; мемуаристки Наталии Борисовны Долгоруковой, переводчицы Варвары Васильевны Голицыной, детской писательницы Варвары Семеновны Миклашевич. Несомненного внимания заслуживает творчество императрицы Екатерины II, писавшей либретто, драматические и прозаические произведения, а также поэтессы Анны Петровны Буниной, которая сознательно отходила от «женственности стихов», и других.

Не меньшего внимания заслуживает деятельность и биография Александры Петровны Хвостовой (Херасковой) — популярной писательницы, хозяйки знаменитого литературного салона, племянницы известного поэта, женщины, потерявшей троих детей, женщины-мистика, одной из первых русских профессиональных писательниц. Цель настоящей работы — определить уровень присутствия творческого наследия А.П. Хвостовой в научном поле, а также оценить потенциал для исследования ее биографии, творческого стиля и возможного влияния на писательниц следующих поколений. С этим связаны стоящие перед нами задачи: изучить биографические сведения о писательнице, определить и систематизировать корпус ее текстов, а также исследования, посвященные им.

Александра Петровна Хвостова родилась в Петербурге в семье Петра Матвеевича Хераскова и Пелагеи Никитичны Григоровой. После смерти матери девочка воспитывалась отцом и его второй женой, графиней Елизаветой Петровной Девьер [7, с. 397].

Отец Александры Петровны принадлежал роду Херасковых, который происходит из валашского (румынского) боярского рода Хереско (Херескуль). Петр Матвеевич был статским советником и домовладельцем в Петербурге. Помимо этого он занимался переводами, был близко знаком с Д. И. Фонвизиним, а также принят в сообществе литераторов [15].

Родным дядей Александры был знаменитый русский поэт Михаил Матвеевич Херасков, супруга которого, Елизавета Васильевна Хераскова (урожденная Неронова), также занималась поэзией и считается одной из первых в России женщин, опубликовавших свои стихи.

Относительно даты рождения Александры Хвостовой мнения исследователей разнятся. Называют 15 декабря 1767 г. или 1 января 1768 г. [5]. Однако на портрете, хранящемся в Государственном историческом му-

зее, указано «род. в 1767 год», а сама Хвостова писала: «С 4 декабря, день рождения моего, начала писать в книгу все бредни мои...», что в совокупности предлагаем считать верным.

Юная Александра получила хорошее домашнее образование, изучала иностранные языки, читала не только зарубежную, но и русскую литературу [9]. При этом, как мы видим, с детства девочка была окружена творческими, образованными, литературно одаренными людьми.

Родители довольно рано, в 20 лет, выдали Александру замуж за Дмитрия Семеновича Хвостова. В записках мемуариста Федора Федоровича Вигеля читаем:

В первой молодости выдали ее за Дмитрия Семеновича Хвостова, человека глупого, грубого и порочного. По матери своей был он в близкой связи со всеми графами Чернышевыми и их потомством; а Александра Петровна была племянница Трубецких, и поэтому она родилась, выросла и провела первые годы замужества в аристократическом мире. <...> И придворные, и дипломаты, и писатели, и русские, и иностранцы, все были у ног ее; она была молода в царствование Екатерины... и имела мужа, которого не делать рогоносцем, право, было бы грешно. ...Год-другой после замужества страстно была она привязана к его молодости и своему долгу. Он же первый начал показывать ей презрение, явно и подло стал изменять ей, искал в низших классах наемной любви. <...> Муж Хвостовой прожил сначала ее приданое, потом проматывал второе и третье наследство... готов был отказать ей в малейшей помощи. <...> Спасли ее от совершенной нищеты ее великодушные и геройство: на улице пала она к стопам грозного Павла и вымолила помилование преступному старцу, отцу неверного своего мужа. Тронутый сим поступком, свекор, умирая, завещал ей порядочное содержание и обязал сына выплачивать ей оное. Сие делал он не слишком исправно, и в образе жизни ее часто проглядывала бедность [1, с. 273 – 274].

В браке родилось трое сыновей, однако все они погибли. Семья в конечном счете распалась.

Сама Александра Петровна высказывалась о своем супруге и браке гораздо мягче известного мемуариста. В одной из последних работ «Мои бредни» она так описывала взаимоотношения в семье:

Муж мой был человек добрый, любил меня любовью мужа и человека; но мы друг друга не понимали, говорили не одним языком; он ходил по земле, а я носилась в вихре талантов и воображения. Ему лишь было дотягиваться до меня, и я не догадывалась спуститься. Впрочем, он уважал меня, гордился моими талантами, выказывал меня, как заморскую птичку; но хвостовство это было похоже на то, с каким показывают купленную случайно вазу, которую, переказав всем гостям, ставят на место и не вспоминают уже о ее существовании. Счастье покупки, если догадаются покрыть ее колпаком хрустальным, но у меня и того не было; и пыль мира была вправе загрязнять, как хотела, незащитность мою. Лишась детей (трех сыновей в течение шести месяцев), сердце мое осиротело еще более. Дотоль какая-то тень единства существовала между нами, мы были еще — мы, мое и его были еще наше; но с развязкою узла, который нас несколько связывал, мерзлая черта полярная пересекла супружество наше. ...Я — он заменили *мы* семейственное. Злые люди, расчет

чужого корыстолюбия и, не скрою от тебя, мое собственное легкомыслие, тягость мучительная носить одной бремя бытия своего, довершили последнее [16, с. 8].

«Мои бредни» можно назвать одним из наиболее интересных поздних сочинений Александры Хвостовой, где в форме беллетризованных мемуаров писательница пробует уложить «психологию жизни своей», что представляет особый интерес для дальнейшего исследования.

Можно предположить, что семейное окружение молодой женщины вкупе с несчастливим браком послужило стимулом к началу ее творческой деятельности и нашло отражение в ее произведениях.

Завершая биографическую часть, приведем небольшое самоироничное «завещание» писательницы, которое она оставила в альбоме М. А. Максимовича: «Мне 80 лет. Время затоптало все различные способности мои, и жизнь, как перегорелый уголек, едва тлеется в разрушающемся бытии моем; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову» [8]. Даже столь краткий фрагмент позволяет сделать вывод о самобытности и образности ее стиля.

На сегодняшний день исследований, посвященных А. П. Хвостовой, незаслуженно мало. Основным трудом можно назвать «Материалы к биографии А. П. Хвостовой» А. А. Костина [5]. В «Материалах» автор указывает: «Самая полная на данный момент биография Александры Петровны Хвостовой написана В. В. Сиповским для “Русского биографического словаря”». Однако эта «самая полная биография» содержит в себе всего две страницы [10].

Одно упоминание об Александре Хвостовой можно найти в статье 2008 г. С. ван Дейк и У. Штолер в контексте рассуждения о творческом отклике авторов-женщин в русском литературном процессе XVIII – XIX вв. [19].

В схожем ключе пишет об А. Хвостовой в своей монографии «Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века» Мария Нестеренко, делая акцент на фигуре поэтессы Анны Волковой, позаимствовавшей у Хвостовой литературный сюжет [6, с. 95 – 96].

Елена Гречаная описала и частично опубликовала французскую повесть «Петронилла» (Pétronille) из рукописного альбома А. С. Строганова, написанную Хвостовой в 1809 г., ее альбом «Мои последние чувствования» («Mes derniers sensées»), а также ее письма к баронессе Ю. Крюденер и сочинение «Особое воспитание» («Education particulière»), адресованное дочери последней, где Хвостова описывает свои религиозно-мистические искания 1800 – 1810-х гг. [5, с. 500].

Многочисленные свидетельства о Хвостовой находим в «Записках» мемуариста Ф. Ф. Вигеля, однако они не проанализированы исследователями в должной мере, равно как ее художественные тексты, переписка и прочие архивные материалы.

Как можно видеть, внимание исследователей преимущественно ориентировано на воссоздание биографии писательницы, но целостного исследования ее индивидуального стиля пока не существует, и корпус ее текстов еще не введен в достаточной мере в научный оборот. Очевидно,

что назрела необходимость уделить более пристальное исследовательское внимание художественному миру А. П. Хвостовой как целостному явлению.

Характерной чертой художественного мира писательницы является весьма широкий жанровый спектр. В настоящей работе будет принят обзор творчества Хвостовой именно с точки зрения жанрового многообразия. Представленный материал послужит основой для дальнейшего, более детального филологического изучения наследия писательницы.

Первой опубликованной работой Александры Петровны стал перевод в 1782 г. сочинения французского монаха-картезианца XIII в. Гуго де Бальма «О тройственном пути души» [13, с. 335]. Стоит обратить внимание на этот дебют. Духовные поиски интересуют писательницу уже в юном возрасте и проходят через всю ее долгую жизнь. Хвостова оказывается одной из первых писательниц, открыто исследующих не только вопросы религии в целом, но и глубины собственной души.

Позднее, в 1796 г., выходят в свет два небольших рассказа — «Камин» и «Ручеек». Критики отмечали, что по своему языку произведения Александры Петровны сравнимы с творчеством Н. М. Карамзина. Примерно в это время Н. М. Карамзин создает произведения, которые можно определить как «лирическую исповедь», — проза неопределенной формы, отрывки, размышления, лишённые сюжета как такового, но наполненные глубоко личными, чувственными переживаниями. Так, в 1792 г. в издаваемом им «Московском журнале» выходит отрывок «Ночи», который представляет собой описание чувств влюбленного. Центральное место в нем занимает не внешнее объективное отражение реальности, а субъективное состояние души человека, его эмоции и переживания [4, с. 329]. Такой «лирический монолог» становится характерной чертой художественной прозы Карамзина и находит отражение в произведениях его «последователей», в том числе у Александры Хвостовой.

Оба рассказа вызвали интерес у читателей и до публикации работы распространялись в списках. Печатное издание разошлось в количестве 2400 экземпляров. Следует отметить, что писала Хвостова по-русски, несмотря на культ французского языка в литературе того времени. Рассказы были переведены на немецкий, французский и английский языки, а французский словарь «Biographie des hommes vivants» (1817) включил в себя статью о Хвостовой.

В 1807 г. поэтесса Анна Волкова (1781—1834) создала стихотворную версию рассказа «Ручеек» А. Хвостовой. В сноске она ссылалась на первоисточник и спрашивала у автора разрешения на использование оригинальной работы в качестве основы для своего произведения.

Сравним:

«Ручеек студеной! излучистая Веенка! Скажи, куда мчишь ты струи твои чистыя? Куда так быстро стремишь твою воду серебристую? Или берега твои не довольно пологи и зелены? Или песок, по которому ты катишься, довольно мелок, рассыпчатый? Или тень зеленых кустов мешает тебе любоваться на красное солнышко?.. Но ты не слышишь, и, быстрым бегом озабочена, еще скорее мчишь жемчужные струи твои; знать, тайну думу сердечную заве-

дало и твое сердце, Ручеек студеной излучистый! — Знать, камни, сквозь которые ты пробираешься, препятствуют твоему течению; знать, и тихое твое журчание унылое, ничто иное, как тайное роптание, тайная жалоба на судьбу, с соседственным милым ручейком тебя разлучающую — Ах! Если и ты судьбою гонима; если и ты разлуку можешь чувствовать; если и ты крушишься о милое и сетуешь: беги, беги еще того быстрее, Веенка! теки туда, где нет препон, где нет разлуки, где нет горестей; туда, где если не соединиться, по крайней мере позабыть можешь о ручейке твоим милым. <...> [17, с. 31–33].

Ручеек (*)

Студеной ручеечек, милый,
Скажи, куда свой путь стремишь?
Куда печальный и унылый
Свои серебристы воды мчишь?
Почто, по камням пробираясь,
Ручей, так быстро ты течешь,
Излучинами извиваясь
Свой ток стремительно влечешь?
Или тебе надокучает
Крутой зеленой бережок?
Иль струй твоих не утешает
Сыпучий крупный твой песок?
Или сквозь ветвия тенисты
Нельзя на солнышко взирать?
Почто струи жемчужны чисты
Твои стремятся вдаль бежать?
Но мне, ручей, не отвечаешь,
Моих ты не внимаешь слов,
Еще быстрее протекаешь
Между зеленых берегов.

(*) Известное некоторой Российской писательницы творение, изданное под названием «Отрывки». Девица Волкова переложила оное в стихи, изъясняясь притом следующим образом: «Читая “Отрывки”, заключающие в себе “Камин” и “Ручеек”, была я столь сильно тронута живостию чувств детской нежности, изображенной в листах последнего из сих прелестных творений, что не могла преодолеть желания предложить оное в стихи, надеясь, что почтенная сочинительница простит мне смелость моего предприятия, тем более что состояние души моей соответствует чувствованиям ее сердца [2, с. 74].

В стихотворении Анны Волковой в большей степени проглядывает милый, нежный этюд, зарисовка живой природы, тогда как начало рассказа Александры Петровны имеет очень личное звучание, текст буквально пронизан душевной болью, и можно поспорить с Анной Волковой относительно «чувств детской нежности» — скорее, это сублимация переживаемых страданий, перенос собственной личности в изображение несущихся вод. Даже ручеек здесь не мужского рода, а женского. Со знательно названная («излучистая Веенка»), она становится словно олицетворением самой писательницы, ее душевных переживаний: «...знать, тайну думу сердечную заведало **и твое** сердце... <...> Если **и ты** судьбою

гонима; если **и ты** разлуку можешь чувствовать; если **и ты** крушишься о милом и сетуешь...» Форма этих предположений свидетельствует о том, что автор, возможно, сама испытывает названные ею чувства, и это подтверждается дальнейшим повествованием. «Ручеек» написан в тот период жизни Александры Хвостовой, когда она уже потеряла детей, а в семейных отношениях с мужем наступил разлад. Несмотря на то что вся история посвящена смерти отца, в рассказе звучат отголоски личного женского несчастья. Фраза, сказанная будто случайно: «...вы не оплакивали **ни клеветы, ни измены**, ветры лютые!» [17, с. 44] — заставляет задуматься о втором, неявном смысле.

В начале XIX в. в творчестве Александры Петровны развиваются мистические настроения, набирающие популярность в некоторых кругах высшего петербургского общества. Она сближается с Александром Лабзиным — религиозным просветителем и мистиком, одним из крупнейших деятелей русского масонства (основателем ложи «Умиравший сфинкс»), переводчиком и издателем. Он издавал религиозно-нравственный журнал «Сионский вестник» [11, с. 2—12], с которым сотрудничала Александра Хвостова. Под псевдонимами «Госпожа NN» и «Писательница NN» Александра Петровна пишет для журнала несколько повестей: «О милосердии», «Слава Богу! Слава Богу!», «Письма христианки к приятельнице своей», «Письмо христианской писательницы к другу» [13, с. 338].

Кроме «Сионского вестника» Хвостова пишет в «Журнал для милых» — периодическое издание сентиментального толка, претендовавшие на то, чтобы стать для женщин «занимательным чтением». В первый выпуск 1804 г. попали две публикации Александры Петровны под псевдонимом «А: Х—а»: перевод с английского «Отчаянная» и стихотворение «Быль» [3, с. 14—18; 50—53].

Под влиянием мистических настроений Александра Петровна написала ряд рассуждений: «Письма христианки, тоскующей по горнем своем отечестве, к двум друзьям, мужу и жене» (1815); «Советы души моей, творение христианки, тоскующей по горнем своем отечестве» (1816); «Письмо к другу и завещание отца сыну» (1816).

Приведем в качестве иллюстрации два небольших отрывка из «Писем христианки»:

Перечитала тетрадь мою, друг и брат мой любезный; и хотя тысячу недостатков слога и изложения нахожу в оной: но ей-ей не могу решиться ничего в ней переиначивать; ибо когда переделать бумагу сию, то она сделается уже моею, и тогда, кроме папилюток, ни на что не годится. Дело идет только о перестановке, или лучшем выражении некоторых слов, которые все и подвергаю вашему благорасположению и ко мне снисходительству: но эпохи так должны остаться. Ибо в сем роде писаний либо все надо принять за фантазию и бред сумасшедшего; либо, признав хотя одну мысль справедливою, признать и все прочее, что оно идет из того же источника, и человеческим резонам и Логике неподсудно. Все так было и точно так. Если же с кем другим иначе случилось (мне же читать о таком случае и перерождении по сие время нигде не встречалось), то может быть тому причина не иное что, как более других испорченное естество души моей бедной, которая конечно более и

работы надо мною доставляла Любителю. — Впрочем, дабы всегда исполнять волю вашу, друг мой, иду за карандашом вашим и делаю пополнения [18, с. 73–75].

...Тогда какой-нибудь добрый человек, или какая-нибудь добрая книга, попадаютсЯ будто бы нечаянно; и иногда одно слово, само по себе маловажное, раскрывает вдруг какое-то темное о всем духовном как бы воспоминание, тогда зарождается молитва: но это молитва рабская, буквальная, и хотя не всегда принужденная; но, как служба нерадивого раба, в одном обрядном и сердца отлученном произношении слов, заключающаяся. Однако и сия молитва бездушная уважается Господом; ибо в ней впервые душа почувствует, что ей чего-то недостает к полноте существа ея, и что утolenия несносной жажды иссохшей ее гортани где-то вне пределов всего ею видимого искать надлежит [18, с. 84].

В конце царствования Александра I, когда на мистиков были открыты гонения, Александру Петровну выслали из столицы. Она поселилась в Киеве, где и осталась жить до самой своей смерти в 1853 г. Там она была избрана председательницей «Киевского общества для помощи бедным», состояла начальницей женского училища графини А. В. Левашевой. Там же была написана последняя ее работа, «Мои бредни» — беллетризованная мемуаристика, где Александра Петровна в форме рассказов излагала истории своих знакомых, мало заботясь о передаче собственно автобиографических данных.

Итак, полный жанровый состав наследия Александры Хвостовой может быть представлен следующим образом:

— **переводы:** Гуго де Бальма «О тройственном пути души» (1782), «Отчаянная» (1804);

— **рассказы:** «Камин» (1796), «Ручеек» (1796);

— **повести:** «Петронилла» (1809), «О милосердии» (1817), «Слава Богу! Слава Богу!» (1817), «Письма христианки к приятельнице своей» (1817), «Письмо христианской писательницы к другу» (1817);

— **стихотворения:** «Быль» (1804);

— **рассуждения, написанные в эпистолярном жанре:** «Особое воспитание» (?), «Письма христианки, тоскующей по горнем своем отечестве, к двум друзьям, мужу и жене» (1815), «Советы души моей, творение христианки, тоскующей по горнем своем отечестве» (1816), «Письмо к другу и завещание отца сыну» (1816);

— **мемуары:** «Мои последние чувствования» (альбом, ?), «Мои бредни» (1834–1836);

— **дневники:** «Исповедальный дневник А. П. Хвостовой за август 1817 г.»; «Замечания мои обо мне самой».

Александра Хвостова, возможно, является также автором брошюры «Размышления пред святым причастием» (СПб., 1850; подпись «А. Х—ва») [13, с. 339].

Остается открытым вопрос об авторской позиции А. П. Хвостовой по отношению к своему труду и литературному наследию. На данном этапе исследования мы можем сделать лишь несколько наблюдений.

С одной стороны, Хвостова не говорит о себе как о дилетантке, что было негласно принято среди писательниц XVIII—XIX вв. Она не скры-

вает в публикациях своего гендера, и даже если подписывается псевдонимом, он всегда женского рода (Госпожа NN, А. Х—ва и т. д.), ряд публикаций выходит под ее собственным именем (в частности, «Мои бредни»). Рассуждая о замужестве, она пишет: «...я носилась в вихре талантов и воображения¹. Ему лишь было дотягиваться до меня, и я не догадывалась спуститься. Впрочем, он уважал меня, гордился моими талантами, выказывал меня, как заморскую птичку...», что подчеркивает позитивную оценку собственной литературной деятельности. Однако кажется, что с возрастом эта позиция меняется. Из письма Александры Петровны к ее другу, Ю.Н. Бартеневу, мы видим пренебрежительное отношение к сочинению, сомнения относительно его качества и необходимости в его публикации, но вместе с тем желание быть опубликованной:

Зачем печатать *марашки* мои, друг мой? Я пишу про себя, про друзей моих. Не чувствуя себя в силах устоять против разборчивости века нашего, робею перед ней в невежестве моем и лучше хочу остаться в любезной неизвестности, нежели, подставляя медный лоб заслуженной критике, на старости лет сделаться посмешищем публики. Если тебя подстрекает непременно желание подвергнуть меня пересуду рецензий, брось что-нибудь в журнал для пробы, но, пока я жива, не производи меня в писательницы. Напечатать целую книжку *марашек* — претензия известности, а с меня достаточно быть известной одним друзьям моим. — Вот еще тетрадка. Так это историческая быль, попроси любезного Полевого обстругать мой чурбан, если он чего-нибудь заслуживает. Да что же ты мне никогда ни черно ни бело не говоришь об *марашках* моих? Хоть посмеялся бы надо мною Брамбеусовым смехом, и то было бы ответ (цит. по: [5, с. 509]).

Позднее, в посвящении к «Моим бредням», которые уже планировались к публикации, Александра Петровна напишет:

Другу моему Ю. Бартеневу. Тебе, друг мой, посвящаю (если только заслуживают посвящения) бредни мои. Не ищи в них слога: я пишу брызгом пера, как-нибудь, когда-нибудь, не успеваю даже заботиться о правильности. Время, таща меня по терниям 71-й год уже, тяжелой ступней затоптало мои *прежние способности* [16, с. 5].

Выходит так, что талант был, и Александра Петровна этот талант вполне сознавала, однако по какой-то причине в более позднем творчестве принижает его значение, а то и вовсе от него отрекается.

Подводя итоги, можно отметить, что литературные интересы А.П. Хвостовой были разнообразны, формировались и менялись в зависимости от социокультурных условий конца XVIII — начала XIX в., а также от ее личного жизненного опыта.

Различные сферы жизни — мистические учения, религиозная доктрина и, наконец, события собственной биографии — осмысливаются и воплощаются писательницей в высшей степени художественно. На основании небольших приведенных здесь отрывков можно сделать вывод, что автор обладает богатым, характерным языком. Уровень обобщения, глубокий самоанализ, а также умение перейти от частного к значитель-

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш. — А. М.

ному и поучительному для многих, прекрасный образный язык — все это свидетельствует о том, что перед нами действительно мастерски владеющая словом, самобытная писательница.

Предпринятый обзор творческого пути писательницы и опыт жанровой систематизации ее наследия открывает перспективы более глубокого и внимательного изучения художественного мира Александры Хвостовой. Наибольший интерес представляет литературоведческий анализ художественных произведений Хвостовой, еще не проведенный исследователями. В частности, еще предстоит изучить рассказы «Камин» и «Ручеек», беллетризованные мемуары «Мои бредни». Не меньшего внимания заслуживают дневниковые записи. Другое направление для дальнейших исследований — влияние творчества Хвостовой, а также ее духовных поисков на развитие женской литературы XIX–XX вв. Александра Петровна Хвостова оставила заметный след в русской литературе и культурной жизни своего времени, сочетая в своих произведениях религиозные и философские размышления с ярким литературным стилем.

В настоящей работе сформирован общий портрет, «эскиз» художественного мира писательницы, который способен послужить каркасом для последующего более детального и подробного исследования.

Список литературы

1. Вигель Ф. Ф. Записки / ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха. М., 1928.
2. Волкова А. А. Стихотворения девицы Волковой. СПб., 1807.
3. Журнал для милых. 1804. Ч. 1, № 1.
4. Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997.
5. Материалы к биографии А. П. Хвостовой // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 499 — 539.
6. Нестеренко М. Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М., 2022. (Гендерные исследования.)
7. Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1885. Т. 1.
8. Пономарев С. Альбом М. А. Максимовича // Киевская старина. 1882. Т. 1. С. 167.
9. Русская литература XVIII века : учеб.-метод. пособие / сост. Н. С. Рубцова. Ижевск, 2018.
10. Русский биографический словарь / изд. под наблюд. пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб., 1901. Т. 21. С. 293 — 294.
11. Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1914. Т. 10.
12. Савкина И. Пути, перепутья и тупики женской литературы. М., 2023. (Гендерные исследования.)
13. Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3.
14. Строганова Е. Классики и современницы. Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М., 2019.
15. Федоров А. И. История, личности, судьбы. Сборник очерков о выдающихся личностях, связанных с территорией современного Струго-Красненского района. Б. м., 2018.
16. Хвостова А. П. Мои бредни // Русский архив. 1907. Т. 1, кн. 1. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book435817/#page/6/mode/1up> (дата обращения: 09.09.2024).

17. *Хвостова А. П.* Отрывки. [Камин.-Ручеек]. СПб., 1833.
18. *Хвостова А. П.* Письма христианки, тоскующей по горнем своем отечестве, к двум друзьям ее, мужу и жене : [А. Е. и А. Ф. Лабзиным]. СПб., 1815.
19. *Van Dijk S., Stohler U.* New Approaches to European Women's Writing (before 1900) // *Aspasia: International Yearbook of Central, Eastern, and Southeastern European Women's and Gender History*. 2008. Vol. 2, №1. P. 5.

Об авторе

Анна Сергеевна Музыка — асп., Литературный институт им. А. М. Горького, Россия.

E-mail: Muzyka.anna.s@gmail.com

69

A. S. Muzyka

ALEXANDRA PETROVNA KHVOSTOVA (KHERASKOVA): THE CREATIVE PATH OF A WRITER AND THE EXPERIENCE OF GENRE CLASSIFICATION OF HERITAGE

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia

Received 07 October 2024

Accepted 12 December 2024

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-6

To cite this article: Muzyka A. S., 2025, Alexandra Petrovna Khvostova (Kheraskova): the creative path of a writer and the experience of genre classification of heritage, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 59 – 69. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-6.

The aim of the present study is to analyze the origins of women's literary craftsmanship in Russia through the example of one of the first Russian female writers. The article examines the creative path of Alexandra Petrovna Khvostova (née Kheraskova), a distinctive Russian writer of the 18th century whose work, nevertheless, has not yet become the subject of independent scholarly research. At the same time, any account of the origins of Russian women's prose cannot be considered complete without reference to her name. Within the framework of the article, an attempt is made to classify Khvostova's literary heritage by genre, which opens up prospects for further, more detailed study of her artistic world.

Keywords: female author, Russian women's literature, writers of the XVIII – XIX centuries, female writer, creative path, A. P. Khvostova

The author

Anna S. Muzyka, PhD Student, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Russia.

E-mail: Muzyka.anna.s@gmail.com